

Глава 5

Ставка

Решить для себя, что никогда не женишься... но кто же откажется от близкого человека, способного согреть в холодную ночь, и предпочтёт одиночество до конца своих дней?

Цзянь Жу мысленно признался себе: жизнь в одиночестве, какой бы свободной и независимой она ни казалась со стороны, была не его осознанным выбором, а горькой необходимостью, бегством и компромиссом.

Когда второй молодой господин Ли договорил, Цзянь Жу заплакал. Он был благодарен ширме, что скрывала его от чужих глаз, не позволяя увидеть его жалкое состояние.

Второй молодой господин, должно быть, услышал его тихие всхлипы. Он надолго замолчал, давая Цзянь Жу время прийти в себя.

Наконец Цзянь Жу заговорил.

— Я не знаю, что будет дальше, — произнёс он сквозь слёзы. — Возможно, пройдёт совсем немного времени, и ты поймёшь, что мой вид тебе отвратителен и невыносим. А может, даже если ты будешь прекрасен, как небожитель, я привыкну и устану от тебя, и у меня больше не хватит терпения заботиться о больном человеке.

Слова эти были жестокой правдой, но Цзянь Жу должен был их произнести. Скрывать и утаивать — значит лишь создавать видимость благополучия, оставляя все проблемы нерешёнными.

— И что же ты предлагаешь? — мягко спросил второй молодой господин.

Цзянь Жу сглотнул подступивший к горлу комок, но взгляд его был полон непоколебимой решимости.

— Я хочу рискнуть, — сказал он. — Поставить на то, что мы сможем прожить хорошую жизнь. Я... я выйду за тебя!

Из-за ширмы донёсся ответ, тихий, как вздох:

— Хорошо. Я сделаю всё, чтобы ты не пожалел.

***

Едва Цзянь Жу вышел из комнаты, как ожидавшая в коридоре бабушка Цзинь раскрыла над ним зонт. Старуха внимательно изучала его лицо, пытаясь понять, чем закончился разговор.

Выражение лица юноши было сложным: в нём читались и растерянность, и какая-то едва сдерживаемая надежда.

Так ничего и не разгадав, она уже собиралась спросить, как вдруг юноша топнул ногой.

— Вот беда, я забыл сказать кое-что важное...

Бабушка Цзинь успела лишь выдохнуть «Эй!», а Цзянь Жу уже развернулся, толкнул дверь и стрелой метнулся обратно в комнату.

Войдя, он застыл на пороге.

Он был ошеломлён.

Человек, скрывавшийся за ширмой, только что вышел из-за неё. Увидев Цзянь Жу, он инстинктивно шарахнулся назад, но по какой-то причине остановился. Застыв у края ширмы, он поклонился Цзянь Жу с изяществом благородного и утончённого мужа.

Хоть он и находился в своих покоях, но, видимо, готовясь к встрече, оделся со всей тщательностью. Волосы были аккуратно собраны, а одеяние цвета морской волны подчёркивало его утончённую красоту. Несмотря на бледность и худобу, отчего просторные одежды казались чуть велики, каждое его движение было преисполнено изящества, создавая образ почти неземного существа, заставляя невольно замереть в восхищении.

За спиной, из-за двери, раздался громкий кашель бабушки Цзинь. Цзянь Жу встрепенулся и поспешно ответил на поклон. Выпрямляясь, ему стало стыдно за свою внешность, и он инстинктивно отвернулся, пряча изуродованную шрамом щеку.

— Ты хотел сказать мне что-то ещё? — мягко спросил второй молодой господин, глядя на него.

Цзянь Жу стоял боком, не смея поднять на него глаз. Лицо его помрачнело от досады и разочарования.

— Я забыл сказать нечто очень важное...

— Что же?

Цзянь Жу не умел скрывать своих чувств. На его лице отразилась вся борьба — он уже жалел о словах, которые собирался произнести, но всё же, стиснув зубы, признался:

— В тот день, когда я тащил тебя в пещеру, мне показалось, что ты на мгновение очнулся. Не знаю, видел ли ты...

Боясь, что передумает, Цзянь Жу заговорил быстро и отрывисто:

— У меня не только шрам на лице. Во время пожара мне на ногу обрушилась стена. Обычно это незаметно, но если я тороплюсь или долго иду, то начинаю прихрамывать.

Услышав это, стоявший у ширмы юноша удивлённо замер, но Цзянь Жу, не смея взглянуть на него, этого не заметил.

За дверью бабушка Цзинь снова тихо вздохнула и покачала головой.

Прошла, казалось, вечность, прежде чем второй молодой господин наконец ответил на терзавшую Цзянь Жу тревогу:

— Я знаю об этом, не волнуйся.

Лишь тогда бешено колотившееся сердце Цзянь Жу успокоилось, а душа, взлетевшая к самому горлу, вернулась на место.

Попрощавшись и снова выйдя из комнаты, Цзянь Жу осознал, насколько важен для него этот брак. Мгновение назад ему казалось, что он лишился даже шанса рискнуть.

Увидев, что их разговор окончен, бабушка Цзинь подошла к нему.

— Возвращайся к себе, — сказала она. — Я смажу рану второму молодому господину и приду.

— Что с ним? — с тревогой спросил Цзянь Жу. — Это из-за падения в реку? — Он вспомнил, как тащил его по камням. Неужели тогда он нанёс ему серьёзную травму?

От этой мысли Цзянь Жу стало совестно и горько. Знал бы он, чем всё обернётся, был бы куда осторожнее.

Но бабушка Цзинь покачала головой и с укором взглянула на него.

— Да это ты его укусил!

Цзянь Жу опешил.

— В тот день, в повозке, — принялась объяснять старуха, словно высыпая горох из мешка, — второй молодой господин поил тебя водой, а ты так вцепился, что прокусил ему палец.

Цзянь Жу стало так неловко, что он готов был сквозь землю провалиться. Хотелось вернуться и извиниться, но бегать туда-сюда было бы совсем глупо. Бабушка Цзинь, словно нарочно, продолжала поддразнивать его, цокая языком и приговаривая, какие у него, однако, крепкие зубы. Не выдержав, Цзянь Жу, не говоря ни слова, бросился прочь со двора.

Глядя ему вслед, бабушка Цзинь заметила, как он, забыв об осторожности, слегка прихрамывает. Она снова покачала головой и вздохнула.

Когда Цзянь Жу скрылся из виду, она взяла мазь и вошла в дом.

Второй молодой господин был во внутренних покоях. Он уже снял верхнее одеяние и вымыл руки.

На указательном пальце правой руки была повязка, которую он сейчас разматывал.

Бабушка Цзинь забрала у него использованный бинт, открыла баночку с мазью, чистой ложечкой извлекла немного и протянула ему. Второй молодой господин пальцами другой руки осторожно нанёс мазь на уже начавшую затягиваться ранку.

Когда он закончил, старуха взяла свежий бинт и помогла ему перевязать палец.

Заметив, что он рассеянно смотрит в одну точку, бабушка Цзинь решила завязать разговор:

— Этот Цзянь Жу с виду кажется бойким и с характером, а на деле — слишком уж прямодушный. Не скажи он про хромоту, никто бы и не заметил. А после свадьбы, когда всё бы открылось, поздно было бы что-то менять. Нет же, надо было всё тебе выложить. Глупое дитя.

Второй молодой господин улыбнулся.

— Он хотел заранее рассказать обо всех своих недостатках, чтобы я принял его таким, какой он есть. Тогда в будущем у меня не будет повода его упрекнуть.

Бабушка Цзинь на миг замерла, а потом, поняв, рассмеялась:

— А я-то за него переживала. Видно, зря.

— И всё же... он и вправду на редкость честен и искренен, — с восхищением произнёс второй молодой господин, глядя в сторону двери.

Бабушка Цзинь кивнула.

Семья Ли ценила порядочность, и поступи Цзянь Жу иначе, исход мог бы быть совсем другим.

— Когда ты просил почтенную госпожу о браке, ты ведь ещё не знал о его хромоте, — немного подумав, нахмурилась она. — Боюсь, ей это совсем не понравится. Может, мне сперва съездить, прощупать почву?

— Нет, я скажу ей сам, — покачал головой второй молодой господин. — Я сейчас же напишу матушке. Она всегда была женщиной широких взглядов, она поймёт.

Глядя на юношу, которого знала с пелёнок, бабушка Цзинь невольно вздохнула. Во всём-то он хорош...

— Не то чтобы братец Цзянь был плох, — проговорила она. — За эти дни я поняла, что он человек хороший и надёжный. Но... если бы не тот случай на реке, не твой долг перед ним, то, конечно...

Она не договорила, но смысл был ясен: ей было жаль второго молодого господина.

Он поднял на неё глаза, и лицо его, до этого расслабленное, стало серьёзным.

Поняв, что её слова его задели, бабушка Цзинь поспешно прекратила свои дела и легонько шлёпнула себя по руке.

— Это я виновата, болтаю лишнее.

— Вы не виноваты, бабушка, — покачал головой второй молодой господин. — Если бы я хотел просто отблагодарить его, нашлись бы и другие способы: можно было дать денег или найти ему хорошую партию. Жениться на нём было необязательно.

— Тогда почему?.. — не поняла старуха.

Взгляд второго молодого господина обратился к окну.

— Я слышал от работников, что, несмотря на дожди, летние цветы в горах в этом году особенно хороши.

В его голосе звучали тоска и восхищение.

— Я бы тоже хотел подняться в горы, увидеть их своими глазами, прикоснуться к ним.

— Горные тропы сейчас скользкие, да и ветер на вершине холоднее, — поспешила отговорить его бабушка Цзинь. — Уж лучше подождать, пока вы, второй молодой господин, окрепнете.

Он усмехнулся — горько, одними губами. Выражение лица не изменилось, но взгляд потускнел.

— Мои родители поженились по любви, — с чувством произнёс он. — Всю жизнь они прожили душа в душу, в мире и согласии. Я видел это с детства и всегда мечтал, что, подобно отцу, женюсь на любимой. Признаюсь, этот брак вызывал у меня сомнения. Но не из-за его внешности. Я столько болел, несколько раз был на волосок от смерти... Какое мне дело до

красоты?

— Я беспокоился о другом. Мы почти не знаем друг друга, ни о какой любви и речи быть не может. К тому же я боялся, что моё здоровье станет для него обузой.

Бабушка Цзинь хотела было его утешить, но все добрые слова уже были сказаны бесчисленное множество раз, и она не нашлась, что ответить.

— Я не хотел никого обременять своей женитьбой, но небеса распорядились иначе, — второй молодой господин вдруг улыбнулся, и тоска в его глазах немного отступила. Он посмотрел на бабушку Цзинь. — Сегодняшняя встреча развеяла все мои сомнения. Он помог мне принять решение.

— Он сказал, что хочет рискнуть. Что ж, я рискну вместе с ним. Ставка — вся жизнь.

***

На следующий день Цзянь Жу всё же покинул поместье и вернулся домой.

Второй молодой господин велел запрячь для него повозку, но Цзянь Жу, не желая привлекать лишнего внимания, попросил заменить лошадь на осла, а кучеру велел остановиться на окраине. В деревню он вошёл один, стараясь остаться незамеченным.

Вернувшись, он с удивлением обнаружил, что, хотя он и ожидал, что правда о жертвоприношении уже раскрылась, в деревне царило полное неведение.

Все считали, что Чжан Цзяо действительно утонул в реке.

Отсутствие Цзян Маоцзя никого не удивило — он часто уезжал на заработки и редко бывал дома.

А пропажи самого Цзянь Жу и вовсе никто не заметил.

Поэтому в деревне было на удивление спокойно.

Впрочем, спокойствие это было лишь видимым. Дожди не прекращались, вода в реке поднималась всё выше, и за время отсутствия Цзянь Жу затопило ещё несколько домов.

Старейшины снова собрались у старосты. Великий шаман, поглаживая лоснящийся подбородок, заявил, что одного юноши в жёны речному богу мало — нужна ещё и красивая девушка.

С этим было проще, но кто же добровольно отдаст родную дочь в реку? Тем более что жертва Чжан Цзяо не принесла никакого результата.

Староста обошёл несколько домов, уговаривая и угрожая, и по ночам в деревне теперь часто слышался испуганный девичий плач.

Те, у кого дочерей не было, поддакивали старосте, бросали косые взгляды на несговорчивых соседей и проклинали их за нежелание пожертвовать своим ребёнком ради общего блага.

Цзянь Жу, узнав обо всём, не стал вмешиваться в эти грязные дрязги. Да и кто бы его послушал?

Он лишь, отправившись копать дикие овощи, невзначай перебрался парой слов с односельчанами, упомянув, что на днях видел в городе младшую дочь старосты. Девушка, жившая у тётки, расцвела и стала настоящей красавицей.

Слух о встрече он, конечно, выдумал, но то, что дочь старосты живёт у тётки в городе, было правдой, и об этом знали все, просто никто о ней не вспоминал.

Он сказал это как бы между прочим, но слушатели приняли к сведению.

Сестру одного из его собеседников как раз навещал староста, и тот, затаив обиду, вернулся домой и всё обсудил с другими семьями, где были дочери. В тот же день они все вместе явились к дому старосты и потребовали, чтобы тот привёз свою дочь для жертвоприношения.

Они заявили, что если и после этого река не успокоится, они готовы отдать и своих дочерей.

Тут уж жена старосты, рухнув на землю, зашлась в рыданиях и криках, расцарапав мужу всё лицо.

Шум стоял до самого вечера, и в итоге великого шамана прогнали из деревни.

Староста больше не смел заикаться о жертвоприношениях.

Цзянь Жу не стал доносить на Цзян Маоцзя и Чжан Цзяо.

Он с самого начала был против того, чтобы топить в реке живых людей, и в этом смысле Чжан Цзяо тоже был жертвой.

Если бы они не обманули его самого, Цзянь Жу, возможно, даже вступился бы за Чжан Цзяо.

Он ненавидел их и никогда не простит.

Но он не хотел, чтобы Чжан Цзяо поймали и вернули. Тогда жители деревни решили бы, что дожди не прекратились из-за того, что в реку бросили не того, и, чего доброго, утопили бы его снова.

Пережив такое однажды, Цзянь Жу не желал подобной участи никому, кем бы тот ни был.

Они сбежали. Кто знает, как сложится их жизнь на чужбине.

Цзянь Жу думал о том, что они, выросшие с ним бок о бок, прекрасно знали, насколько он злопамятен.

Не вернуться — и пусть. Но если посмеют появиться снова... этот разговор ещё не окончен.

<http://bllate.org/book/13681/1212214>